

Елена МАРКОВА

г. Петрозаводск

Провинциальный писатель в зеркале народной критики

В постсоветскую эпоху профессиональная критика оказалась самой не востребовавшей областью литературы. Газеты если дают материал о писателе, то в жанре информации о презентации новой книги. Такую информацию, как правило, может написать не только специалист или журналист, но и любой мало-мальски грамотный читатель. Очерки, эссе, интервью, рецензии появляются в связи с юбилеем известного писателя или по поводу его награждения (медалью, премией и т.д.).

Литературно-художественные журналы не отказываются работать с критиками, но уменьшают в сравнении с советской эпохой объем их статей и либо совсем не платят гонорары, либо выплачивают символическую сумму. Поэтому профессиональные критики предпочли литературоведение и преподавательскую работу или критику в устном бытовании (прежде всего имеем в виду не академические лекции и доклады, а выступления на литературных вечерах, интервью для радио и телевидения).

И, тем не менее, свято место пусто не бывает: появилась народная критика. Возникла она дав-

но, очевидно изначально сопутствуя литературе, ибо великие имена притягивают поклонников. Они собирают материалы о жизни и творчестве своего кумира, находят подчас неизвестные рукописи и удивительные факты из его жизни.

Особенно мощно заявила о себе народная критика во второй половине XX века. Читатели, не будучи профессиональными исследователями, зачастую даже не являясь филологами по базовому образованию, приступают к самостоятельным поискам, создают школьные и частные музеи, пишут в газеты и журналы и даже издают сборники. Таковы, например, представители народного есениноведения (со многими из них автору этих строк приходилось не раз общаться). Они заявили о себе настолько ярко, что некоторых из них (Н.Г. Юсова, В.Е. Кузнецову, Н.М. Солобай и др.) Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН привлек к работе над академическим изданием Полного собрания сочинений С.А. Есенина и сопутствующими ему сборниками материалов и исследований.

Но Есенин – это великое и любимое едва ли не всеми читателями России имя. А как быть с не

столь известными писателями? Обречены после своей кончины на забвение?

В Карелии, к счастью, есть Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, исследователи которого создали три версии истории литературы своей республики, историю детской литературы, истории литературы Финляндии и Европейского Севера России, историю финноязычной журналистики, ряд персоналий и проблемных исследований. Но пять человек при всем желании не могут охватить все, а литература на четырех языках Карелии развивается и нуждается в мгновенной реакции критика, строгого и справедливого.

В 1990-е годы о финноязычных писателях Карелии (финнах Тобиасе Гуттари, Тайсто Сумманене, карелах Антти Тимонене, Яакко Ругоеве и др.) стал писать кандидат геолого-минералогических наук Александр Степанович Пекки¹. Его воспоминания об их жизни, рассуждения об их творчестве появились на страницах газет и журналов «Север» и «Carelia».

В начале нулевых годов нынешнего века поэтесса и по совместительству работница Кондопожского бумкомбината Людмила Кочеганова напомнила своим землякам, что в их городе жил и творил замечательный писатель Борис Кравченко. Чтобы привлечь к нему внимание, она не только добилась издания сборника, подготовленного писателем к печати незадолго до своей смерти², но и учредила премию его имени, выплачивая ее из своего кармана.

Процесс, как говорится, пошел... В 2005 году вышел в свет сборник «Жил в Кондопоге писатель», посвященный Борису Евгеньевичу Кравченко. В роли руководителя издательского проекта выступила журналистка Марина Бошакова (Крузман), составителем стала кандидат филологических наук Наталья Урванцева. Сами на его издание деньги искали, сами в свободное от основной работы время его формировали.

Не стал дожидаться подсазки и средств властей от культуры художник и сотрудник музея-заповедника «Кижы» Дмитрий Москин. В 2011, 2012 и 2015 годах выходят один за другим подготовленные им сборники: «Материалы к биографии Василия Фирсова», «О раннем периоде жизни и творчества Василия Фирсова», «Киндасовские сказки».

Если Н. Урванцева прежде всего собрала накопившуюся литературу о жизни и творчества Б.Кравченко, дополнив ее новыми материалами

и библиографией, то Д. Москин обладал довольно скудным корпусом откликов на произведения В. Фирсова. Ему пришлось и провести изыскания в личном архиве писателя, и найти авторов для своего «триптиха», и, главное, – подготовить к публикации ранее не изданные произведения. В общем, хотя и не обременен ученой степенью, действует как исследователь. Видимо поэтому сборники сопровождает помета «научное издание» (хотя специалисты, безусловно, вправе с этим не согласиться)³.

В числе авторов (всего их 37) книги о Борисе Кравченко два профессиональных критика и четыре литературоведа. В основном представлена точка зрения на его творчество писателей, журналистов, библиотекарей и других групп читателей.

Сама Наталья Геннадьевна Урванцева выступила здесь и в роли исследователя, и в качестве библиографа, и научного руководителя докладов, прочитанных тремя школьниками на Малых Кравченковских чтениях.

Дмитрий Николаевич Москин указал профессию каждого своего автора: о том, каким был человеком и писателем Василий Николаевич Фирсов, сказали свое слово 12 писателей, 3 критика (И. Гин, Б. Гущин, В. Оботуров), 5 исследователей (четыре доктора филологических наук Ю.И.Дюжев, В.В. Иванов, С.М. Лойтер, Е.И. Маркова, доктор философских наук Ю.В. Линник). Представлены также публицист-правозащитник, журналист, библиотекарь, учительница, сотрудник музея, художник и модельщик. Как видим, профессионалы и здесь в меньшинстве. Сам Д.Москин является составителем книг и автором ряда пояснительных и критических текстов, биографом и архивариусом, художником и фотографом. Надо сказать, что в его книгах богатейший видеоряд, выполненный 8-ю художниками и 8-ю фотографами. В книге Н. Урванцевой помещены только фотографии из семейного альбома писателя (без указания авторства), но здесь есть сообщения о работе художника Г.Салтупа над портретом писателя и о его же работе совместно с архитектором Н. Овчинниковым над мемориальной доской Б. Кравченко.

Конечно, не только авторский состав отличает эти сборники от академических и вузовских изданий подобного рода. Прежде всего, отличает народную критику от профессиональной иная ценностная иерархия. Так, в энциклопедии «Карелия» в 3-х томах (2007, 2009, 2011) нет статей

о писателях Б.Е.Кравченко (1945–1990) и В.Н.Фирсове (1951–2010), потому что, кроме таланта, у них не было ни званий, ни наград. То, что Б. Кравченко посвящена книга, то, что кондопожане просили включить его имя в круг избранных, не возымело действия на авторитетную редакционную коллегию, не знакомую, по их уверениям, с его творчеством. Если они не знают – то и никто, кроме группы товарищей, названного прозаиком не знает.

Это не так. Его знают читатели и писатели. Изданная к 60-летию прозаика Бориса Евгеньевича Кравченко книга «Жил в Кондопоге писатель» стала не единственным подношением прозаику. Центральная городская библиотека объявила 2005 год годом Бориса Кравченко и предложила читателям ряд мероприятий: книжные выставки, стенды, витрины, литературный вечер и «Кравченковские чтения». Для пользователей Интернета на портале www.Kondopoga.ru была размещена виртуальная выставка, просматривая которую можно было получить информацию о жизни и творчестве писателя, увидеть его портрет, принять участие в обсуждении его произведений. Б.Кравченко не принадлежал к писателям «местного значения», о чем свидетельствуют отзывы на его творчество известного прозаика Юрия Нагибина, опубликованные в центральных газетах «Литературная газета» (1979), «Литературная Россия» (1981), в популярном журнале «Смена» и во вступительной статье к книге «Забывтое тепло» (1981). Об этом же говорят три письма Ю. Нагибина к Б. Кравченко и отрывки из его «Дневника», опубликованного в Москве в 1996 году. В книге «Не чужое мастерство» (1983) Юрий Нагибин поместил «Открытое письмо Борису Кравченко».

О Кравченко также писали известные русские прозаики: В. Крупин, С. Воронин и Э. Сафонов. Не забыт Кравченко был столичной (О. Кучкина, Е. Булин, Д. Ковда) и региональной критикой (Г.Лайне, М. Пустыльник, В. Белков). Но, видимо, «отлупов» (выражение Б. Кравченко) из редакций было больше, чем добрых слов, коли не успокаивалась душа писателя.

Что касается Фирсова, то серьезное отношение к своему слову он встретил только в лице своего бывшего преподавателя, профессора Софьи Михайловны Лойтер, опубликовавшей о его творчестве серьезные статьи в научных сборниках «Наследие Бориса Шергина» (Архангельск, 2004) и «Межкультурные взаимодействия в поли-

этническом пространстве пограничного региона» (Петрозаводск, 2005). Она доказала, что имя сказочника В. Фирсова по праву должно занимать место рядом с известными севернорусскими сказочниками Б. Шергиным и С. Писаховым.

Но большинство его сказок (их, по подсчетам Д. Москина, 300) не могли пробиться в печать. Работы о его творчестве хранятся в архиве писателя в машинописных вариантах: до печати они так и не дошли.

В книгах о Кравченко и Фирсове происходит смещение «центра» и «периферии». Провинциальный писатель не значит посредственный, каковым его зачастую считают в столичных издательствах. Так, Ю. Нагибин, сообщив Б. Кравченко, что его сборник «зарубили» в издательстве «Молодая гвардия», напугав молодого писателя: «Запомни: литературу почти не любит и никто, за редким исключением, не понимает. Если Вас завтра похвалят в «Правде», все мгновенно признают. Дайте им рассказ Шукшина за другой подписью, они тут же скажут: г... Дайте им Ваш рассказ за подписью Шукшина, одобряют: гениально»⁴.

В советское время любили с эстрады потешаться: мол, Союз писателей насчитывает двадцать тысяч пишущих, забывая, что на огромную страну это совсем немного. Быть профессиональным литератором не означало, что ты свободен от добывания хлеба насущного: строчишь в тиши своего кабинета творения и получаешь за них гонорары, позволяющие безбедно жить. Увы, этот удел был предназначен немногим.

У Кравченко и Фирсова совсем иная судьба. Оба прожили трудную жизнь: они не могли очно учиться. Занимались тяжелой работой. Первый, кроме Карелии, работал на лесопункте на Урале, был монтажником на буровых в Тюмени, второй, помимо родной Вологодской области и Карелии, служил на Северном флоте, работал на КамАЗе. Кравченко до конца дней своих зарабатывал на хлеб физическим трудом (бульдозерист, кочегар), Фирсов работал на Онежском тракторном заводе. Одно время был сотрудником газеты «Прионежье», но, потеряв работу, вынужден был стать «помоганцем» (выражение Г. Салтупа). Работал в бригадах своих друзей – скульпторов и художников, а также на дачах у писателей. Если четыре прижизненных книги, изданные в Петрозаводске и Москве, принесли Кравченко гонорар, то Фирсов получил деньги только за одну книгу, остальные четыре фактически безгонорарные:

изданы благодаря друзьям и Вытегорскому краеведческому музею. Публикация их пала на 1990-е годы. Эпоха сменилась – писательский труд перестал оплачиваться.

Конечно, тяжело: работать днем, а ночами писать – это не каждому по силам. Не каждый выдержит откровенное или плохо скрываемое недоверие к тебе: «Какой ты писатель? Кочегар. Поденщик!»

Если у Б. Кравченко был «крепкий тыл» (хорошая жена, двое детей), то В. Фирсов из-за развода лишился и дома, и общения с детьми. Приходилось ночевать у сестры или у друзей, на дачах, которые он ремонтировал.

Не только по образу жизни, но и чисто внешне Кравченко и Фирсов не походили, по расхожему мнению, на писателей: ни кудрей поэта, ни солидной осанки прозаика. Бориса Кравченко я видела единожды. Такой худенький, такой бледный... И нервный. В конце 1980-х годов собрания в Союзе писателей Карелии проходили бурно, длились более 6 часов: все хотели выразить свое отношение к происходящему. И Кравченко было что сказать, но ему было так трудно говорить... Видимо, не только чувства переполняли, но сказывалась подтачивавшая его организм смертельная болезнь.

Что касается Фирсова, то этого худощавого человека, вроде и не под горшок подстриженного, но как-то так, что и волосами, и всем своим неказистым обликом, кепочкой и пиджачком напоминающего скомороха-балагура, привечали все, и почти все до конца не понимали, кто же находится рядом с ним. Действительно, как к нему всерьез относиться?! Взрослый человек, а подрабатывает в детских садах фокусником и сказочником.

Не в пользу Кравченко и Фирсова работало еще одно обстоятельство: их слабость перед искушениями зеленого змия. В ранее упоминаемом «Открытом письме» Юрия Нагибина есть ответы на многие вопросы, интересовавшие молодого писателя из провинции, в том числе и на извечный русский вопрос: пить или не пить?

Увы, он и по сей день остается в творческой среде остро актуальным. Понятно, что как старший товарищ, как учитель Нагибин сказал свое твердое «нет»: «Великую русскую литературу создавали трезвые люди. Пили лишь полуталанты, несчастные, деклассированные люди, вроде Левитова. Это распространяется и на мировую литературу. Из больших писателей пил всерьез один Ганс Фаллада; кошмар владевшего им по-

рока он описал в душераздирающем романе «Пьяница» и покончил самоубийством».

Мнение Ю. Нагибина можно оспорить: были пьющие таланты и гении. Пили и так мало жили. Борис Кравченко рано ушел из-за тяжелой болезни, течение которой, видимо, ускорил алкоголь.

Если эта сторона жизни писателя в книге о Кравченко слегка затронута, то в первом и втором сборниках о Фирсове она описана довольно подробно. Здесь и констатация факта (писатель был пьющим человеком), и сожаление по этому поводу, и убеждение, что пьянство одна из форм существования думающего и ранимого человека. Об этом пишет художник В.Х. Лукконен («Невыносимый Вася», «Сказки для милиционеров»), публицист Ю.А. Дмитриев («Вася – давнее», «Вася и вино», «Вася по напитку соскучился...»), журналист А.Я. Фарутин («Дорогая память»), поэт, пишущий на ливвиковском диалекте карельского языка, В.С. Вейки («Вась! Не квась», «Северная» ночлежка», «Привязанный Вася»).

Во всех публикациях нет морализующих ноток, осуждения: мол, не так жил. Наоборот, авторы ряда текстов о Фирсове признаются: пили вместе с Васей, и будто бы задают вопрос: а вы бы выдержали такую жизнь, какая выпала на долю писателя?

Повторяю: никто из пишущих не только не осуждает писателей, но и не стремится вызвать жалость читателей или обрушить праведный гнев на власти предрержащие. Правда, иногда подобные нотки сквозят.

Этой новой интонацией и отличается народная критика. Жизнь такая, какая она есть, и ты такой, какой есть. Кто выиграет поединок с ней в подобной ситуации?

Кравченко повезло: на него обратил внимание такой писатель, как Нагибин. Насколько это важно было в советскую эпоху, покажу на одном примере. В 1998 году на Конгрессе финно-угорских писателей в Сыктывкаре мне довелось познакомиться с марийскими литераторами. Была уверена, что в беседе с автором из Карелии будут звучать имена писателей, пишущих на прибалтийско-финских языках. Но чуть ли не все хором назвали одно имя: Кравченко! Они встречались с ним на семинарах, читали его книги и, конечно, знали мнение о нем Нагибина. Как видим, ценностная иерархия марийских писателей не совпадает с «официальной». Он для них не автор с периферии, а самый что ни на есть «центровой»⁵.

Но, повторяем: далеко не все думали так, как марийские писатели. Мало того, что Кравченко и Фирсов по своему облику и поведению никак не попадают в разряд «правильных» писателей, они, будучи прозаиками, не выдавали «на гора» толстые романы на злободневные темы, а трудились в области малой прозы, которая в негласной «табели о рангах» относится к периферии литературы.

К тому же по своему типу новеллистика Кравченко была, по мнению отдельных критиков и издателей, в силу малого объема рассказа «нерусской». Действительно, русский рассказ, как правило, подробен и текуч. Соглашаясь, что короткие рассказы более присущи западным прозаикам (например, Хемингуэй, в подражании которому обвиняли Кравченко, и французскому писателю Шарлю Луи Филиппу), Нагибин называет имена русских приверженцев подобной формы: Зощенко, Кауричева, Субботина.

Даже если бы маститый писатель не назвал предшественников кондопожского прозаика, Кравченко все равно всеми читателями воспринимается как истинно русский писатель, ибо главный нерв его произведений – «боль душевная за людей, обиженных судьбой, Богом, обстоятельствами». Последние слова принадлежат Станиславу Уманцу, кондопожскому журналисту и поэту, которого прозаик считал своим учителем. Незадолго до смерти он рассказал ему сюжет своего рассказа. «Живет один человек, любит смотреть в окно. Заметил как-то, что в доме напротив солнце попадает в одну из квартир всего на несколько минут. Он поинтересовался, кто там живет. Ему сказали, что живет больной человек, который очень обижается, что солнца в его квартире нет. И тогда герой рассказа приносит домой зеркало, присоединяет его к часовому механизму для того, чтобы отраженный луч всегда останавливался на этом окне».

Умиравший Кравченко дарит читателям на прощание солнечный сюжет. «Вася Фирсов в явлении, – по определению Юрия Линника, – типичный доходяга, ... запущенный бобыль» оставил нам отсверкивающие золотом (солнцем) рифмы чудесных сказок.

Когда Линник, доктор философских наук и известный писатель, пишет о Фирсове, то его пером водит рука поэта, заставляя выделять сказанное даже чисто графически (в столбик, как стихи; курсивом), заменять терминологическую речь ученого метафорическим словом художника.

«Сквозь индивидуальную память Василия Фирсова просматривается надличностная память. Без высокопарности его устами говорил народ – вещала соборная душа Русского Севера...

Он поэт.

Поэт прежде всего.

Поэт до мозга костей!

Прозаическая транскрипция фирсовских сказок не должна вводить в заблуждение. Часто это творчески преломленный раёшный стих, гениальная выдумка скоморохов, он предвосхищает авангардные искания – дает широчайшие возможности для языковой игры. Вот на этой стезе Василий Фирсов был абсолютным виртуозом.

«Было однажды: дядя Филат подарил нам пару утят – вон, говорит, летят, берите да меня благодарите.

Брали мы, брали, пока утята за лесом не пропали, приходим к дяде Филату, говорим:

– Спасибо, дядя Филат, за подарок. Ты нам утят, а мы рыбы ушат, возьмёшь ли?»

Рифмы цепляются друг за друга как точёные шестерёнки – вращательный момент передается от слова к слову – будто мы глядим в мерцающее нутро золотых часиков.

Озорая, созвучья пробегают искрами по сказкам Василия Фирсова – отсверкивают то тут, то там. Словно ёлочные гирлянды – с прихотливым ритмом включения – наложились на сюжетные линии»⁶.

Начинал Василий Фирсов со слабых стихов (как, впрочем, и Борис Кравченко), с неплохой повести «Федя Коровушкин», но «центровым» писателем его сделали сказки, написанные как на материале русского фольклора, так и карельского. О последнем свидетельствует поразительный цикл В. Фирсова, состоящий из ста текстов, «Киндасовские сказки», опубликованный в заключительной части «триптиха» Д. Москина.

В деревне, где проживают карелы-людики, истари известной своими чудаками, уже много лет проходит своеобразный карнавал по-карельски, где народ смеется, балагурит, потешается. Тонко чувствующий стихию народной культуры, Фирсов сумел открыть русскому читателю парадоксы карельского юмора.

Видимо, фирсовские интонации, идущие от устной речи, подсказали Д. Москину особенное построение первых двух книг. Если Н. Урванцева в своем сборнике выделяет разделы, типичные для жанра персоналий, то он выстраивает диалог писателя со своими исследователями и читателями. Так, после статьи С.М. Лойтер «Особенности поэ-

*Обложки
трех книг, посвященных
творчеству В.Н.Фирсова*

тики сказок Василия Фирсова» следуют четыре его сказки; его статья о В.Х. Лукконене «Солнечный художник» соседствует с рассказами иллюстратора о сказочнике; «Киндасовские сказки» В.Фирсова и его статья «Киндасовские мужики или особенности национального юмора (Исторические параллели)» корреспондируют со статьей Ю.В. Линника «Всечеловек Василий Фирсов» и т.д.

В книгах о Василии Николаевиче Фирсове, кроме традиционных статей, есть литературные портреты, эссе и устные рассказы (байки). Если книга о Кравченко в основном характеризует его творчество, о других сторонах жизни говорится скупо, то Фирсов представлен во всех ипостасях. Не случайно Ю.А. Дмитриев называет свой

цикл баек «Калейдоскоп Васи Фирсова». Кроме уже упомянутых текстов на тему: «Вася и алкоголь», здесь представлены: «Вася и памятник», «Вася – почетный пвошник страны», «Вася и война», «Вася и Соловки», «Вася и Клюев», «Вася и сказки». Уже тем, что писателя называют просто по имени, подчеркивается: его друзья не желают писать патетические мемуары, выходить из зоны фамильярного контакта, из стихии устной речи (см.: О.Э. Мошников «Слухи о его смерти...», Я.Л.Жемойтите «Здесь был Вася», М.М. Ефимов «Смех смешного человека», В.С. Вейки «Чечётка на новом полу» и др.). Эта фамильярность отнюдь не мешала пишущим отдавать должное его таланту.

И Кравченко, и Фирсов сами стали героями стихов и прозы: Б. Кравченко посвятили стихи А.Зубков, В. Смешков, А. Веденеев, П. Шувалов, Г. Скворцова написала о нем рассказ. В. Фирсову, кроме ранее перечисленных баек, посвятили стихи Ю. Линник, Д. Вересов и его земляк – поэт О. Шувалов. Я. Жемойтелите создала по мотивам его сказок пьесу «Время собирать картошку», поставленную Национальным театром Республики Карелия.

Завершая характеристику сборника народной критики, отметим, что их составителям и авторам удалось коллективными усилиями создать портреты по-настоящему талантливых писателей Бориса Кравченко и Василия Фирсова, книги которых находят дорогу к своему читателю в родной стране и за рубежом: чехи включили в антологию европейского рассказа новеллу Б. Кравченко, студенты-слависты Мичиганского университета (США), изучая курс «Провинция и культура», знакомятся со сказками В. Фирсова в переводе профессора М. Мейкина.

Народная критика не просто восстанавливает справедливость по отношению к писателям, она работает на сохранение памяти литературы и является одним из факторов самосознания региональной литературы.

Примечания:

¹ Маркова Е.И. А.С. Пекки как литератор // Сб.: Пекки Александр Степанович. К 85-летию со дня рождения. / Сост. В.В. Щипцов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009.

² Кравченко Б. Письмо. Кондопога: «Карелкомиздат», 1995. Название сборнику дала редактор А.А. Тарасенко, исходя из акцентации автором вступительной статьи этого образа в творчестве писателя.

³ Нет апробации книг на Ученом совете, имен рецензентов, главное – нет самых необходимых комментариев. Например, не указано, откуда взялась рецензия на сборник «Зайчики в трамвайчике», если его нет ни в виде книги, ни в рукописи.

⁴ Жил в Кондопоге писатель. Сб. материалов о жизни и творчестве Б.Е. Кравченко / Сост. Н. Урванцева. Кондопога: ГУПРК «Кондопожская городская типография», 2005.

⁵ Главный редактор марийского журнала «Ончыко» («Вперед») Анатолий Тимиркаев в ответ на присланную ему книгу Б. Кравченко «Письмо» перевел один из его рассказов на марийский язык и опубликовал в своем журнале. Экземпляр этого журнала был выслан в Кондопогу, но, к сожалению, в Библиографическом указателе его нет.

⁶ Материалы к биографии Василия Фирсова. К 60-летию со дня рождения. / Сост. Д. Москвин. Петрозаводск [б.и.], 2011.

Елена Ивановна МАРКОВА

в 1970 году окончила Петрозаводский университет.

Завсектором литературоведения Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Доктор филологических наук.

Автор более 145 научных трудов, в том числе 8 книг.

Член Союза писателей России.

Член концертных деятелей России.

Лауреат премии Республики Карелия

в области культуры, искусства и литературы,

заслуженный деятель науки Республики Карелия.

